

ИЗ ИСТОРИИ И ПРЕДЫСТОРИИ БАНАЛЬНОЙ РИФМЫ

Ольга Кузнецова
(Москва)

Несмотря на многочисленные определения категории банальности в различных поэтических словарях, понятие банальной рифмы во многом остается оценочным. Недаром М. Л. Гаспаров отказывает этому понятию в терминологическом статусе [Гаспаров: 41]. Еще Пушкин часто обыгрывал рифмо-пару *морозы – розы* и говорил о том, что русская поэзия в будущем откажется от рифмы во избежание банальности [Пушкин: 263]. В XX в. юмористическое обыгрывание банальной рифмы использовали С. Есенин («Цветы»), С. Чёрный («Переутомление»), В. Рождественский («Любовь»), М. Зенкевич («Бык на бойне») и др. У современных стихотворцев существует практика создания так называемых словарей «самых банальных» рифм — своеобразных реестров, которые призваны помочь начинающим поэтам избежать тривиальности. В качестве иллюстративного материала в таких словарях используются поэтические строки из самых разных эпох, в том числе из древнерусской литературы. Например, вирши Алексея Романчукова (запись в альбом Гартману Грамману, 1638 г.):

Вина всяким добродетелям — любовь,
не проливает бо ся от нея никогда кровь...

[Словарь разновидностей рифмы]

Здесь возникает вопрос: возможно ли говорить о банальности в рамках этикетной средневековой культуры, при господстве поэтики «готового слова»? Временем возникновения банальной рифмы, пожалуй, следует назвать момент, в который пара часто воспроизводимых в конце строки слов становится нежелательной для поэтов. Этот вопрос связан также с другой проблемой — на каком основании возникает банальность? С одной стороны, пара слов сближается на уровне формы: банальные рифмы зачастую точные и даже богатые (исключением из этого чаще бывают слова с редкой или уникальной формой, с ними составляются

пары по приблизительным созвучиям: *вечер – встреча, облако – волоком* и пр.). С другой стороны, связь между рифмующимися словами всегда смысловая. Можно предположить существование двух типов отношений в случаях употребления клишированной рифмы.

О первом из них писал И. Фрайман в связи с концепцией микросюжетов [Фрайман: 30–40]: рифмообразующие слова, представляющие собой клише, обладают памятью о контекстах, в которые они входили. В этом случае два слова указывают на разные явления или предметы, которые, однако, легко выстраиваются в одну картину. Окружающие слова воссоздают для них желательный контекст, заполняя пустоты между концами строк. Но бывает и так, что два рифмующихся слова описывают одно явление. Тогда они не нуждаются в дополнительных смысловых связках. Следует также заметить, что та или иная рифмующаяся пара не определяется как состоящая в отношениях исключительно одного типа, поскольку стихотворная практика всегда находится в развитии. Так, например, фольклорной поэзии хорошо известно выражение *тридесятое царство-государство*, где рифмующиеся слова, вне зависимости от их местоположения, представляют собой синонимы, они тождественны. Но в поэзии XVII в. чаще встречается подобная реализация:

И да подаст ему господь небесное царство,
А стужает по нем все великое государство
[Виршевая поэзия: 160].

В приведенном примере понятия, обозначенные рифмообразующими словами, разведены: речь идет о Царствии Небесном, которое должно быть уготовано усопшему, и народе, оплакивающим смерть патриарха.

Пара рифмующихся слов, изначально близких по значению, легко порождает шаблон. Но в сходной ситуации часто оказываются и слова, сближенные метафорически. *Ложь – (в сердце) нож* — банальность нашего времени. Однако вот как реализуется та же пара рифм в XVII в.:

И многие люди знают твою ложь,
А и нам есть ныне стал ты, аки острый нож [Там же: 195].

Тип отношений, в котором рифмообразующие слова синонимичны или легко сопоставимы, особенно характерен для фольклорной и литургической поэзии, а также его можно найти в текстах конца XVI–XVII вв., которые принято называть демократической поэзией. Пословица, например, легко приравнивает одно явление к другому (*братство – богатство, добро – серебро*), напрямую или через противопоставление. Древнерусская поэзия почти не позволяет себе прямо говорить об одном и том же предмете на протяжении двух строк, сопряженных традиционной парной рифмой. Вирши XVII в. метафоричны, построены на параллелизмах, максимально избегают конкретики. Выпуклые бытовые образы появляются окказионально: в особых жанровых формах, близких к фольклору или под влиянием акростиха.

Особенно эта тенденция тяготения книжной поэзии к народному творчеству наблюдается в виршах начала XVII столетия, не относящихся к какой-либо поэтической школе: таковыми, например, являются сочинения Семена Шаховского и Михаила Татищева:

Зане же всего сильнее бывает чистая к богу молитва,
И на невидимые враги, аки некая изощренная бритва
[Виршевая поэзия: 81].

Российскаго царствия народом богоданный пастырь,
благочестия державным целомудрия пластырь [Там же: 111].

Как известно, рифмы *молитва – бритва* и *пастырь – пластырь* встречаются в малых фольклорных жанрах. В народной поэзии следует искать истоки и другой рифмы, чрезвычайно распространенной в XVII в.: это двустушия с опорными словами *конец – венец*. Несмотря на частое воспроизведение данной пары в виршах, здесь нельзя говорить о возникновении банальной рифмы. Причина состоит том, что повторяется не только именная пара на конце строк, но и все двустушие. В таких случаях мы имеем дело со стихотворной формулой, варьируемой, но регулярно воспроизводимой:

реализация формулы	источник
И сему писанейцу — конец. А творящему злое не будет от бога венец [Виршевая поэзия: 40]	<i>Антоний Подольский</i> Послание к некоему горду и величаву
И сему писанейцу или епистолейцу счита- ется конец, а добродетельным мужем всегда спееется нетленный венец [Там же: 34]	<i>Антоний Подольский</i> Послание некоему среб- ролюбителю
А сему писанию и наказанию конец, А вам бы от Христа бога получить не- тленный венец [Там же: 138]	<i>Стефан Горчак</i> Виршевой домострой
И сему предисловию конецъ А добръживущимъ от Бога нетлѣнный вѣнецъ [МГАМИД-250: 244 об.]	<i>Анонимный автор</i> Предисловие к цветнику
Горе тебе, человеце, яко своего жития веси минутие и конец, А не подражаеш праведным, им же Хри- стос подаст нетленный венец [Николаев: 378]	<i>Венедикт Буторин</i>

Хотя в ранней русской поэзии строки с традиционной рифмой и заимствуются из текста в текст, они являются частью образного поэтического языка этой литературной эпохи, устойчивой единицей, а не совокупностью отдельных элементов. Как известно, формульность древнерусских текстов — это их природа.

Многие вирши XVII в. конструируются из двустушии. Ближе к концу столетия все больше усиливается композиционная и смысловая связь между отдельными строчками, но в период существования приказной школы русского стихотворства пространственные поэтические пассажи представляют собой набор предложений, каждая из которых укладывается ровно в две строки. Древнерусской литературе хорошо известно метафорическое обращение к природе как к идеальной модели, поэтому первая строка в такой конструкции бывает посвящена природному образу, а вторая, параллельная ей, раскрывает человеческие отношения, символически обозначенные вначале. Множество параллелизмов такого типа содержится в виршах справщика Савватия, в особенности, в одном из самых поэтических его сочинений — *Послании Алексею Саввичу*: «Лев некогда едином обтечением своим многих зверей

увлекает, // Обаче и мудроумный муж учением своим всех удивляет» [Виршевая поэзия: 162]. В этом примере имеет место грамматическая рифма, возникшая под действием параллелизма.

Складыванию устойчивых стихотворных конструкций способствует использование имени собственного в качестве одного из рифмуемых слов. Это связано не столько со сложностью подобрать рифму к редкому имени, сколько с тем же традиционным сознанием древнерусского книжника: рифма, закрепляемая за тем или иным именем, часто является характеристикой лица или сопутствующей деталью. На этом основании сближаются даже стихи столь далеких друг от друга авторов, как справщик Савватий и Симеон Полоцкий:

<i>справщик Савватий</i> «Послание архиерею, взыскующему мудрости»	<i>Симеон Полоцкий</i> «Достоинство»
Писано есть от самех божественных уст, по тому же последует и великий Иоанн Златоуст [Там же: 177]	О начальных же святый Златоусты своими рещи изволил то усты [Памятники: 71]

Стихотворец XVII столетия зачастую поставлен в строгие рамки. В начале строки он ограничен акростихом (т.е. набором слов, указанных в специальном словаре), в конце строки ему необходимо соблюдать традиционную рифму. Такие требования предполагают создание шаблона, однако смысловое наполнение двустишия между рифмующимися словами далеко от современной поэзии клише. Возможно, авторы первых русских виршей находятся в поисках универсального компактного контекста для того, что станет впоследствии банальной рифмой, но во многих случаях он так и не образуется.

Рифма *отец – творец* часто встречается в современной массовой культуре. Как правило, подразумевается одно и то же лицо, поэтому формально рифмующиеся слова не нуждаются в смысловой связке. Но виршевая поэзия, гораздо более близкая к литургической, все же дает иное осмысление и разделяет понятия — *отцом* чаще называется адресат стихотворного послания. Ср. обращение Антония Подольского «к священноиерею Симеону Федоровичу»:

Словесныя убо моя и тричастныя душа великому отцу,
Во очищение бо грех желающу тоя представи вышнему творцу
[Виршевая поэзия: 27].

На протяжении не менее чем трех столетий в русской поэзии была распространена рифма *слава – держава*. В XVII в. она, по примеру молитвословного стиха, была даже внутренней. Но варианты ее реализации не позволяют делать выводов о существовании формулы на материале древнерусских виршей. Такая формула создается в XVIII столетии: расцвет панегирика дает благодатную почву для сосуществования таких понятий, как государственная власть и славословие. Например, в поэзии М. В. Ломоносова 50% рифм с интересующей нас клаузулой — это именно рассматриваемая пара слов, и более половины примеров дают сходную реализацию. О традиционной рифме можно говорить и на примере поэзии М. М. Хераскова (не менее 15 употреблений находим в «Россияде»), не пренебрегают данной рифмой И. А. Крылов, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин и др. Однако поэзия второй половины XVIII – начала XIX вв. уже идет по пути расформирования шаблона: между рифмующимися словами появляется все больше контекстуальных наращений. Отступление от этого делает, пожалуй, лишь Н. М. Карамзин, в стихах которого рифмующаяся пара получает наиболее традиционное воплощение¹.

Для XVII в. значительным фактором, препятствующим образованию шаблона по типу современной банальной рифмы, является и то, что позже выльется в проблему литературных стилей. Образный мир ранней книжной поэзии максимально удален от буквального понимания, именные рифмы состояются из высокой лексики и подвергаются метафорическому осмыслению. Поэтому современные поэты легко могут избежать банальное, спрягая высокую лексику и прозаизмы.

¹ «Любовь! везде твоя держава; // Везде твоя сияет слава» [Карамзин: 57] и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Виршевая поэзия: Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989.
- Гаспаров: *Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х – 1925-ого годов в комментариях. М., 1993.
- МГАМИД-250: Российский государственный архив древних актов. Ф. 181 (Собр. МГАМИД). № 250.
- Карамзин: *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1966.
- Николаев: *Николаев С. И.* Два стихотворца XVII века // ТОДРЛ. Т. 39. Л., 1985.
- Памятники: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга третья. М., 1994.
- Словарь разновидностей рифмы: Словарь разновидностей рифмы. <http://www.neogranka.com/forum/showthread.php?t=18587> (Дата просмотра: 27.10.2013).
- Пушкин: *Пушкин А. С.* Путешествие из Москвы в Петербург. Беловая редакция // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л. 1937–1959. Т. 11.
- Фрайман: *Фрайман И.* Рифменное клише «любовь – кровь» в русской лирике 1820–1830-х гг. // Русская филология. 9. Тарту, 1998.